

О чём может думать человек, лишённый свободы и заточённый в узилнице? Наверно, о несправедливости окружающего мира, о его жестокости и ненадёжности. Ещё о том, как надо бы было поступать прежде, чтобы избежать наказания и попадания в застенки. Может быть, он кается в собственных грехах и клянёт за содеянные грехи других. Или для него мир, тот, что остался за колючей проволокой, просто перестаёт существовать как реальность? Всё рухнуло – жизнь, работа, общественное положение, ощущение собственной значимости, ощущение необходимости и близости семьи.

Видимо, многие мысли и переживания у этих людей будут схожи. Временами они испытывают отчаяние, чувство покинутости, завершённости своего жизненного пути. Затем спасительная надежда на будущее возвращает их к жизни, и они понимают – оно, будущее, ещё возможно, оно может быть, оно ждёт их впереди после всех переживаний и перенесённых испытаний.

А о чём и как думает в заточении гений?

Если мы захотим вдруг это как-то понять, ощутить и, может быть, даже пережить, то стоит прочитать письма священника Павла Флоренского, посланные семье из тюрьмы и лагерей в период с 1933 по 1937 годы.

Я не буду в этой короткой статье подробно пересказывать всю биографию о. Павла. Для людей православных, да и просто образованных она слишком хорошо известна. Напомню лишь, что в 1904 году Флоренский поступает в Московскую Духовную Академию, а в 1910 становится священником. Образованнейший человек своего времени, профессор богословия, учёный с мировым именем в 1928 году арестовывается ОГПУ и осуждается на три года «как активный участник церковно-монархической организации». Но на самом деле главным обвинением было выдвинуто то, что отец Павел не снял с себя священнического сана и не отрёкся от Господа. За это в 1933 году его приговаривают уже к десяти годам лагерей и ссылают сначала в Восточную Сибирь (лагерь «Свободный»), а затем на Соловки (Соловецкий лагерь особого назначения).

25 ноября 1937 года постановлением особой тройки УНКВД по Ленинградской области Флоренского приговаривают к расстрелу, и 8 декабря 1937 года там же в Ленинграде приговор приводится в исполнение.

Священник Сергей Булгаков на эту свершившуюся трагедию откликнулся следующими строками, написанными в эмиграции: «Жизнь ему как бы предлагала выбор между Соловками и Парижем, но он избрал Родину, хотя то были Соловки, он восхотел до конца разделить судьбу со своим народом. И сам он, и судьба его есть слава и величие России, хотя вместе с тем и величайшее её преступление».

Известно, что Флоренскому предлагали свои услуги во его спасению главы нескольких стран. Он мог покинуть страну на «философском пароходе». Однако ничем этим он не воспользовался, предпочтя пройти весь свой крестный путь до конца.

В «Завещании» (А это и есть завещание, мысли и советы обращённые к семье, к самым близким и родным людям. Написал его о. Павел 11 июня 1917 года и затем несколько раз в последующие годы дополнял.), есть такие строки Флоренского: «Самое главное, о чём я вообще прошу вас, – это чтобы вы помнили Господа и ходили пред Ним. Этим я говорю всё, что я имею сказать. Остальное – либо подробности, либо второстепенное. Но этого не забывайте никогда... Не ищите власти, богатства, влияния... Нам не свойственно всё это; в малой же доле оно само придёт, – в мере нужной. А иначе станет вам скучно и тягостно жить... Мои милые, грех, который особенно тяжело было бы мне видеть в вас, это зависть. Не завидуйте, мои дорогие, никому. Не завидуйте, это измельчает дух и опошляет его. Если уж очень захочется что иметь, то добывайте и просите Бога, чтобы было желаемое у вас. Но только не завидуйте. Мещанство душевное, мелочность, дерзкие сплетни, злоба, интриги – всё это от зависти. Вы же не завидуйте, утешьте меня, а я буду с вами, и сколько можно мне будет, буду молить Господа о помощи вам».

Именно этим духом и будут пронизаны все остальные письма обращённые к семье. Причём в обращении к каждому из её членов, в зависимости от возраста и степени занятости какими либо делами найдена своя неповторимая интонация, говорится именно о той сфере интересов, которая в этот момент наиболее ценна и полезна адресату.

Но, конечно же, во главе всего и, в первую очередь, в понимании и ощущении окружающего мира стоит у автора глубочайшая любовь. Любовь безмерная к сотворённому замечательному, во всём чрезвычайно разумно устроенному миру. И только человек способен эти высшие гармонию и разумность исказить, нарушить, привести к гибели.

«Когда-нибудь впоследствии люди будут с ужасом думать о городах и о городской жизни, как о добровольной тюрьме, с происходящими отсюда последствиями – выдуманных задачах жизни, мелочности интересов, искусственно созданных страстях, засорении души трудностями, рассеивающимися при соприкосновении с природой, искусственно подерживаемой духотой атмосферы» (из письма от 13 августа 1936 г.).

Сам отец Павел ощущает окружающую жизнь до тончайности именно через душевное состояние, ища в ней, этой жизни (и понимая, что это-то и есть главное), первозданность. Ища в ней Божие начало и постоянно, во всём находя его.

«Один знакомый спрашивает меня, почему я ничего не пишу о Соловецких звуках, – только о цветах и формах. Потому что здесь всё беззвучно, как во сне. Это царство безмолвия. Конечно, не буквально, всякого досадного звука более, чем достаточно, и хочется скрыться куда-нибудь в тишину. Но не слышишь внутреннего звучания природы, не воспринимаешь внутреннего слова людей. Всё скользит, как в театре теней, а звуки присоединяются извне, досадным прилагательным или шумом. Это очень трудно объяснить, почему ничто не звучит, почему нет музыки вещей и жизни, я и сам по-настоящему не пойму, но всё же музыки нет. Лишь морской прибой (его приходится слышать очень редко) да завывание ветра не вполне вмещаются в такую характеристику Соловков» (28 – 29 июля 1936 г.).

А коли в природе важна первозданность, то как же человек может обойтись без главных и необходимых ему чувств, приступая к творческой работе в искусстве, литературе, поэзии, науке?

«Мир сходит с ума и неистовствует в поисках чего-то, тогда как ясность, которая только и нужна, у него в руках. Буржуазная культура распадается потому, что в ней нет ясного утверждения, чёткого «да» миру. Она вся в как будто, как если бы, иллюзионизм – её основной порок.

Когда субъект оторвался от объекта и противопоставился ему, всё становится условностью, всё пустеет и предстает иллюзией. Только в детском самосознании этого нет, и таков Моцарт» (19 – 20 апреля 1936 г.).

Именно! Потому что только детское самосознание готово и может в себя вместить всю естественность, непосредственность и глубину мира. А это в свою очередь и является истинными составляющими настоящего искусства – вторичной передачи окружающего мира через произведения, созданные уже человеком.

«...Если будет этот запас конкретных образов, цветов, запахов, звуков, вкусов, пейзажей, растений и т.д., то этот запас может легко оформиться и дать твёрдую почву для отвлечённых построений. Если же его нет, если понятие не сопровождается образом, если отвлечение – только отвлечённо, то оно лишено какой бы то ни было цены и скорее вредно, чем полезно, для развития ума: становится мертвящей догмой, обуживает дух, лишает его свободы и творчества... Люди нового времени, начиная с эпохи Возрождения, всё более и более заражались Системоверием, подменой чувства реальности отвлечёнными формулами, которые уже не несут функции быть символами реальности, а становятся сами суррогатом реальности. Так человечество погружалось в иллюзионизм, в утрату связи с миром и в пустоту, а отсюда и необходимое следствие – скука, уныние, разъедающий скепсис, отсутствие здравого смысла. Схема, как схема, сама по себе, не контролируемая живым восприятием мира, не подлежит и серьёзной проверке: всякая схема может быть хороша – в смысле удачно сама в себе построена. Но мировоззрение – не шахматная игра, не построение схем впустую, без опоры в опыте и без целеустремлённости к жизни. Как бы ни была она сама в себе остроумно построена, без этого основания и без этой цели она лишена ценности» (22 ноября 1936 г.).

Отдельные письма посвящены Флоренским вопросам образования и науки.

Сам он в лагерях непрерывно занимается творчеством. С одной стороны, изучает вечную мерзлоту и почвы, морские водоросли и возможность получения из них необходимых компонентов, продукта. С другой, пишет и отрывками отправляет для сохранения в семью большую поэму «Оро». (Над этим произведением о. Павел работал в течение 1933–1937 гг. Начав его ещё на Дальнем Востоке, он продолжал трудиться над рукописью и в Соловецком лагере.) Часть писем о. Павла – это просто готовые, довольно развёрнутые научные статьи. И, конечно, не может не поражать читателей широта и глубина познаний автора в самых различных сферах человеческой деятельности. Вот что он пишет сыну Кириллу из Соловков 13 мая 1937 г..

«Мысленно просматривая свою жизнь (пора подводить итоги), усматриваю ряд областей и вопросов, которые начал я и которыми потом занялись все (...), т.е. очень многие, мне же либо пришлось оставить дело, либо сам оставил, т.к. противно заниматься вопросами, к которым лезут со всех сторон и захватывают. Тебе м.б. будет интересен список важнейших».

И далее идёт перечисление работ о. Павла (их множество) в математике, в философии и истории философии, в искусствоведении, в электротехнике и т. д.

«Раздельно стоят. Физика мерзлоты. Использование водорослей. Хотел было написать тебе об этом подробно, но, переселившись в Кремль, растерял мысли, но помню, что надо было писать много. Мне хотелось бы одного – чтобы вы сколько-нибудь воспользовались моими работами, привели их в порядок и сделали бы своими, в них вложено много труда и мысли, и я знаю, что из каждой работы можно сделать книгу».

А где же христианская проповедь, наставления по высказываниям святых отцов? – возможно, спросит иной читатель. А нет всего этого в письмах в том виде, в каком мы в большей части привыкли её воспри-

нимать. Но есть она в самом примере жизни священника Павла Александровича Флоренского.

Не исключено, что о. Павел избегал напрямую в своих письмах касаться этой темы ввиду строжайшего цензурного контроля за посланиями заключённых. Я этого, конечно же, не исключаю. Но всё-таки не похоже на то. Иначе, когда бы и не утерпел, проговорился – какой бы строгости цензурной не было. А тут – ни разу. Да и по стилю писем нет в этом направлении склонности. Почему? Неужто эти вопросы – православного воспитания своих детей от самых младших до совсем взрослых – о. Павла не заботили?

Безусловно, заботили. Но христианское воспитание, христианское поучение, христианскую проповедь он преподносит своим дорогим людям – супруге, родным и чадам – высоким примером своей собственной жизни, а не многими словами, заимствованными в святоотеческих трудах столпов нашей Церкви. Этот пример «орошает» и наши сердца, наши души.

«Всё проходит, но всё остаётся. Это моё самое заветное ощущение, что ничего не уходит совсем, ничего не пропадает, а где-то и как-то хранится. Ценность пребывает, хотя мы и перестаём воспринимать её. И подвиги, хотя бы о них все забыли, пребывают как-то и дают свои плоды. Вот поэтому-то, хоть и жаль прошлого, но есть живое ощущение его вечности. С ним не на веки распрощался, а лишь временно. Мне кажется, все люди, каких бы они ни были убеждений, на самом деле, в глубине души, ощущают также. Без этого жизнь стала бы бессмысленной и пустой» (6 – 7 апреля 1935 г., быв. Филиппова пустынь).